

КАТЕГОРИЯ «УМЕНЬШЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ» И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (1917–1948 ГГ.)

А. В. Зайцев

* Публикуется по изданию:

Зайцев А. В. Категория «уменьшенной вменяемости» и её применение в советском уголовном законодательстве (1917–1948 гг.) // *Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки.* — Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2004. — С. 501–506.

Новый УК Украины 2001 года впервые для отечественного законодательства предусмотрел норму «ограниченная вменяемость», в которой идёт речь о явлении, которое в различных авторских интерпретациях именуется как ограниченная (уменьшенная, пограничная, частичная, неполная) вменяемость. Закреплению указанной нормы в УК Украины предшествовали длительные научные обсуждения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что учение об ограниченной вменяемости появилось в теории уголовного права ещё в XIX столетии и несмотря на свою длительную историю, не имело общего признания у криминалистов. Подтверждением тому является восприятие категории «уменьшенной вменяемости» научными кругами и её практическим применением в советском государстве на ранних этапах его существования.

С возникновением советского государства было признано необходимым сломать не только государственные, но и правовые институты. Не стала исключением и норма о невменяемости дореволюционной России (ст. 39 Уголовного Уложения 1903 г.), которая являлась образцом законодательной техники и принципиально правильного отражения такого явления как невменяемость. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР в ст. 14 указывалось: «Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни и вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали отчёта в своих действиях...». Этот текст был воспроизведён с некоторыми редакционными изменениями и дополнениями в ст. 17 УК РСФСР и УССР 1922 г., где говорилось, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать отчёта в своих действиях...».

Эти кодексы прямо не говорили ни о вменяемости, ни о вине, а как видно из текста, в самой статье содержался только интеллектуальный критерий (лицо не могло давать себе отчёта в своих действиях), что, естественно, суживало само это понятие, давало возможность применять наказание к лицам, которые, отдавая себе отчёт в своих действиях, не могли ими руководить в виду наличия у них психических аномалий. Психологический критерий невменяемости вообще был поставлен позади медицинского.

В ст. 7 Основных Начал 1924 г., в ст. 11 УК РСФСР 1926 г., ст. 10 УК УССР 1927 г. эти положения во многом сохраняются: «Меры судебно-исправительного характера не могут быть применены в отношении лиц, совершивших

преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать отчёта в своих действиях и руководить ими...». Видно, что формулировка невменяемости описана более удачно, в частности, уточнена обрисовка медицинского критерия, введён волевой признак психологического критерия (не могли руководить своими действиями). Однако в доктрине права и практической деятельности она привела к резко отрицательным явлениям, так как в норме содержалась разобщённость между медицинским и юридическим критериями, что приводило к необоснованной экскульпации психопатов, невротиков, лиц, перенёсших травмы черепа без тяжёлых последствий и склонных к истерическим реакциям. Процент признанных невменяемыми был в первой половине 20-х годов очень высоким, включающим в себя значительные контингенты больных с пограничными состояниями¹.

Ведущие юристы и психиатры (Н. С. Таганцев, С. В. Познышев, В. П. Сербский, В. Х. Кандинский и др.), которые в течение многих лет принимали активное участие в подготовке уголовных законов, относились отрицательно к законодательному закреплению категории уменьшенной вменяемости. Поэтому неудивительно, что ни в самом первом уголовном законе советской России («Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г.), ни в последующих законодательных актах (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК УССР 1927 г.) эта проблема не была решена.

В работах известных в то время юристов и психиатров М. М. Исаева, А. А. Жижиленко, В. С. Трахтерова, И. М. Фарбера, которые высказывались в защиту уменьшенной вменяемости, хотя и было немало убедительных аргументов, но допускались и неверные положения. Например, утверждалось, что уменьшенную вменяемость надо рассматривать как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность, её нельзя приравнять к вменяемости, поэтому уменьшено вменяемых надо направлять в лечебницы, наказывать их нецелесообразно²; преступления уменьшено вменяемых надо считать «коллективной виной общества», а поэтому не только за впервые совершённые, но и за повторные преступления к уменьшено вменяемым как можно шире применять снижение наказания³; к уменьшено вменяемым вполне допустимы неопределённые приговоры⁴.

В большинстве своём сторонники уменьшенной вменяемости считали лиц с пограничным состоянием психики своего рода «полубольными», не способными нести ответственность за свои деяния на равных основаниях с психически здоровыми людьми. В связи с этим предлагалось этих лиц не наказывать за совершённые преступления, а направлять в особые лечебные заведения или колонии, или же сочетать применение к ним мер наказания и специальных лечебных мер, или, наконец, если и применять только одни меры наказания, то более мягкие, чем наказания, назначаемые за такие же преступления в отношении психически здоровых преступников.

При этом сторонники этой точки зрения, выступая в защиту уменьшенной вменяемости, исходили из того положения, что отсутствие в советском законодательстве данного понятия противоречит основным принципам уголовного права, так как в этом случае не принимаются во внимание промежуточные звенья между вменяемостью и невменяемостью, между наличием и отсутствием вины⁵.

Непоследовательные изменения происходили и в судебной психиатрии, теоретические положения которой сложились на начало XX столетия под влиянием западноевропейской науки, с её тенденцией к биологизации человеческой личности и её поведения, что сильно отразилось на практике. Исходное положение антропологической школы уголовного права о непосредственной связи между душевным заболеванием и преступлением было перенесено в область судебной психиатрии и последовательно привело к признанию всякого преступника психически больным человеком, а отсюда и невменяемым. Эти идеи нашли своё отражение в первом положении об институте им. Сербского (1922 г.), в круг научных проблем которого входили вопросы о связи между характером преступления и формой душевного заболевания, отношении между психической конституцией и типом преступника, изучение наследственных факторов преступности и т. д.⁶

Особенному изучению подверглись лица с «пограничными» отклонениями психики, в частности психопаты. Под психопатами подразумевали лиц с неустойчивой нервной системой, с трудом приспосабливающихся к социальной среде и легко вступающих с нею во всевозможного рода конфликты, доходящие до преступных актов. Выделяя их главной характерной чертой социальную неприспособленность, Ашаффенбург предложил называть их социально-непригодными. К. А. Ленц считал их социопатами, так как их основные свойства — агрессивность и конфликтность делают их или криминальными, или близкими к криминальности, готовыми каждую минуту перешагнуть грань, отделяющую социально-полезную деятельность от вредной. По его мнению, это криминальные психопатические личности, нервная система которых по причине своего несовершенного развития не вырабатывает этических навыков и тормозов, необходимых для социальной жизни⁷.

Указывали, что психопатия лучше всего определяется трёххвостовой формулой: «психопатическая конституция», «наследственное отягощение» и «вырождение», выражающей её как явление. Психиатры даже наметили основные группы психопатических личностей, обнаруживающих преимущественное сродство к определённым типам преступлений в грубых схематизирующих чертах. Отмечали, что существуют типы психопатов, по самой структуре своей большой психики особенно склонным к антисоциальному поведению и представляющих, согласно своей психопатической конституции, опасность для общества, обнаруживающих преимущественные тенденции к определённому типу преступлений⁸.

На практике испытуемые, проходившие через Институт им. Сербского в первые послереволюционные годы, почти все признавались невменяемыми или уменьшенно вменяемыми. А так как в первых советских УК не были чётко сформулированы положения относительно вменяемости и ответственности, то всё это способствовало тому, что психиатры в 1921–1925 гг. признавали невменяемыми не только лиц, страдающих душевными болезнями, но и большинство испытуемых с отклонениями психики «пограничного» характера — травматиков, психопатов, наркоманов и т. д.

Эти лица, будучи признаны невменяемыми, направлялись в гражданские психиатрические больницы. Скопившиеся там уголовники дезорганизуют больничный режим, терроризируют персонал и больных, совершают побег. Больницы всячески стремились избавиться от этой группы лиц, но перевод их в места лишения свободы часто вёл за собой возникновение новых психотических вспышек. Таким, образом, большая группа опасных правонарушителей непрерывно двигалась по своего рода треугольнику: место лишения свободы — Институт им. Сербского — психиатрические больницы. Другим отрицательным последствием такого подхода стало то обстоятельство, что путь на свободу через психиатрическую больницу приобрёл большую популярность у психопатов и, так как институт признавал значительную часть из них невменяемыми, установка на болезнь среди них была широко распространена. Имея на руках справку о невменяемости, они часто вновь совершали целый ряд правонарушений, рассчитывая, что, будучи привлечены к уголовной ответственности, они опять будут признаны невменяемыми⁹.

Таблица 1

Динамика решений Институтом имени Сербского вопросов о вменяемости испытуемых¹⁰

Признаны комиссией		1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Вменяемыми	абс.	—	9	37	72	142	233	204	248	272	267
	в %	—	4,0	8,6	16,8	28,8	40,3	42,2	46,1	42,7	39,8
Уменьшенно вменяемыми	абс.	31	48	133	96	42	11	1	—	—	—
	в %	22,3	21,3	30,9	22,4	8,5	2,0	0,2	—	—	—
Невменяемыми	абс.	108	168	261	197	222	233	214	218	309	321
	в %	77,7	74,7	60,5	46,2	44,9	40,3	44,2	40,5	48,5	47,7
	абс.	—	—	—	62	88	101	65	72	56	84

Вопрос о вменяемости не ставился	в %	—	—	—	14,6	17,8	17,4	13,4	13,4	8,8	12,5
Всего прошло комиссию		139	225	431	427	494	578	484	538	637	672

Чрезмерно широкая трактовка невменяемости привела к тому, что из всех лиц, прошедших экспертизу в Институте судебной психиатрии им. Сербского в 1921 году, невменяемыми были признаны 77,7% испытуемых, в 1922 — 74,7%, в 1923 — 60,5%. Значительный процент испытуемых был признан ограниченно вменяемыми: соответственно 22,3%, 21,3% и 30%. Так, в проанализированных И. Усовой 459 актах судебно-психиатрической экспертизы за 1924 г. в 71 случае констатировалось, что вменяемость лиц, совершивших общественно опасные деяния, не вполне исключена. Субъекты, страдающие травматическим психоневрозом, являющиеся психопатическими личностями различного типа, и некоторые другие психически аномальные лица признавались вменяемыми с оговоркой, суть которой заключалась в том, что болезнь («изменение психики», «степень аномалии личности») являлась смягчающим вину обстоятельством, моментом, ослабляющим сознательное волевое противодействие влияниям окружающей обстановки; ослабляла способность сопротивляться внешним обстоятельствам и в полной мере руководить своими поступками (это же относится и к аффекту); делала невозможным отдавать себе отчёт в совершённом, как это свойственно вполне нормальным людям¹¹.

Таким образом, в 1921 году ни один испытуемый в Институте не был признан вменяемым. Это получило отрицательную оценку, и, начиная с 1925 г., Институт видоизменяет свою судебно-психиатрическую практику, сужая круг лиц, подлежащих освобождению от судебной ответственности. Процент признаваемых невменяемыми начинает значительно уменьшаться, а испытуемые с «пограничными» состояниями всё чаще признаются вменяемыми и направляются обратно в места заключения. С 1928 года признание уменьшено вменяемыми прекратилось¹².

Российские психиатры неоднозначно подходили к проблеме ограниченной вменяемости. Исследователи, отрицающие необходимость его законодательного регулирования, рассуждают примерно так, как это делал А. М. Халецкий в 1934 г.: «Понятие уменьшенной вменяемости и смягчение в связи с этим мер социальной защиты следует считать неверным и с юридической, и с психиатрической точки зрения. Оно ведёт к отступлению на позиции особого рода эквивалентности: чем меньше вменяем, тем меньше и мера социальной защиты»¹³. «Однако, — возражал Бруханский, — если бы положить на стол перед одним из многих, кто свысока с психиатрической наукой, лист серой бумаги — и спросить: «что это за бумага — чёрная или белая?» Прибавив к этому: «ты должен мне определённо сказать: чёрная она или белая, и ничего более; заметь себе при этом, что мне это надо знать крайне важно, ибо от этого зависит честь, свобода, будущее; теперь отвечай». В таком положении находится эксперт в случаях пограничных состояний»¹⁴. Халецкий назвал позицию Бруханского путаной.

«Бесспорно, — говорит он, между двумя полюсами существуют точки, приближающиеся к середине; во всяком процессе могут быть условно отмечены конец, и начало, и промежуточная стадия. Нет такого явления, к которому нельзя было бы подойти с этой меркой. Однако в практической деятельности мы часто отказываемся от такой не всегда удобной триады»¹⁵.

В немалой степени «дискредитации» категории ограниченной вменяемости в СССР способствовал частный случай, который касался заключения эксперта-психиатра профессора Г. К. Серейского в отношении подсудимого К., обвинявшегося в растрате. Эксперт утверждал, что правонарушение психопата К. якобы вытекает из самой болезни обвиняемого и совершено в состоянии уменьшенной вменяемости, поскольку психопатия К. развивалась на почве органического поражения центральной нервной системы в виде так называемого «анэтического синдрома». В связи с этим председатель Верховного Суда СССР обратился в Институт судебной психиатрии им. В. П. Сербского с просьбой дать заключение по ряду вопросов. Ознакомившись с делом, расширенное заседание Учёного совета Центрального института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР от 24 марта 1948 г. объявило в своём постановлении понятие уменьшенной вменяемости чуждым советскому уголовному праву¹⁶.

Впоследствии до середины 60-х годов 20 столетия этот вопрос в советской научной литературе позитивно почти не рассматривался. Уменьшенная вменяемость отвергалась как «ненаучная» категория, при этом высказывались больше резкие выражения, чем аргументы¹⁷. Аналогичная ситуация сложилась и в литературе по судебной психиатрии, где об уменьшенной вменяемости либо ничего не писалось, либо утверждалось, что это реакционная концепция, способствующая распространению ошибочных взглядов.

Примечания

1. *Трахтеров В. С.* Вменяемость и невменяемость в уголовном праве (исторический очерк). — Харьков: Украинская юридическая академия, 1992. — С. 34–37.
2. См.: *Жижиленко А.* Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в уголовном кодексе РСФСР // *Право и жизнь*. — 1924. — Кн. 7–8. — С. 47.
3. См.: *Трахтеров В.* Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // *Право и жизнь*. — 1925. — Кн. 9–10. — С. 75–77.
4. См.: *Фарбер И. М.* К вопросу об «относительной» вменяемости // *Современная психоневрология*. — 1928. — Т. 5. — С. 246.
5. См.: *Ошерович Б.* К вопросу о степенях виновности // *Учёные записки ВИЮН*. — 1940. — Вып. 1. — С. 58.
6. См.: *Фейнберг Ц. М.* Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт института им. Сербского. — М.: Советское законодательство, 1935. — С. 11.
7. *Ленц К. А.* Криминальные психопаты. — Л.: Рабочий суд, 1927. — С. 24, 32, 33.
8. *Краснушкин Е. К.* Криминальные душевнобольные и психопаты и их признание // II Всероссийское совещание по вопросам психиатрии и неврологии / Под ред. А. И. Мисхинова, Л. А. Прозорова. — М.: Сан.-просв. отд. НКЗ, 1924. — С. 40–42; *Он же.* Криминальные психопаты современности и борьба с ними // *Преступный мир Москвы*. — 1924. — С. 192–207.

9. См. об этом: *Введенский И. И.* Принудительное лечение душевнобольных и психопатов // *Душевнобольные правонарушители и их принудительное лечение.* — М., 1929. — С. 18; *Бунеев А. Н.* Психогенные реакции в местах лишения свободы // *Психопатии и их судебно-психиатрическое значение.* — 1934. — С. 46.
10. Табл. 1 из статьи: *Фейнберг Ц. М.* Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт института им. Сербского. — М.: Советское законодательство, 1935. — С. 12.
11. *Усова И.* Психические отклонения, имеющие уголовно-правовое значение // *Законность.* — 1992. — № 3. — С. 41–42.
12. См.: *Фейнберг Ц. М.* Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт института им. Сербского. — М.: Советское законодательство, 1935.
13. *Халецкий А. М.* Понятие «уменьшенной вменяемости» в судебно-психиатрической оценке психопатий // *Психопатии и их судебно-психиатрическое значение* / Под ред. Ц. М. Фейнберг. — М., 1934. — С. 105.
14. *Бруханский Н.* Судебная психиатрия. — 1928. — С. 280.
15. *Халецкий А. М.* Понятие «уменьшенной вменяемости» в судебно-психиатрической оценке психопатий // *Психопатии и их судебно-психиатрическое значение* / Под ред. Ц. М. Фейнберг. — М., 1934. — С. 100.
16. См.: *Исаев М. М.* Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. — М.: Юридическое издательство, 1948. — С. 51–53.
17. См., напр.: *Орлов В. С.* Субъект преступления. — М., 1958. — С. 59–68.